

Сергей Горошкевич

Злато и Злот

*Поэты о любви:
опыты ментального анализа*

Часть I

Сергей Н. Горошкевич
Эрато и Эрот. Поэты о
любви: опыты ментального
анализа. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65265121

*Эрато и Эрот. Поэты о любви: опыты ментального анализа. Часть I:
ISBN 978-5-00171-940-3*

Аннотация

Уникальное издание представляет собой тематически организованные подборки стихов, искусно соединенных авторским текстом. С одной стороны, это первая настоящая, строго организованная, энциклопедия мировой любовной лирики; с другой – цельное (пусть и не вполне научное) исследование любви во всех ее многообразных формах и проявлениях. В 1-ю часть 3-томника вошли вводная и три содержательные главы. В 1-й главе показано соотношение эмоциональной жизни поэта и его лирики. Во 2-й главе обсуждается, в какой мере можно доверять поэтам, когда речь идет о любви. В 3-й главе говорится о разнообразии и классификации половой любви.

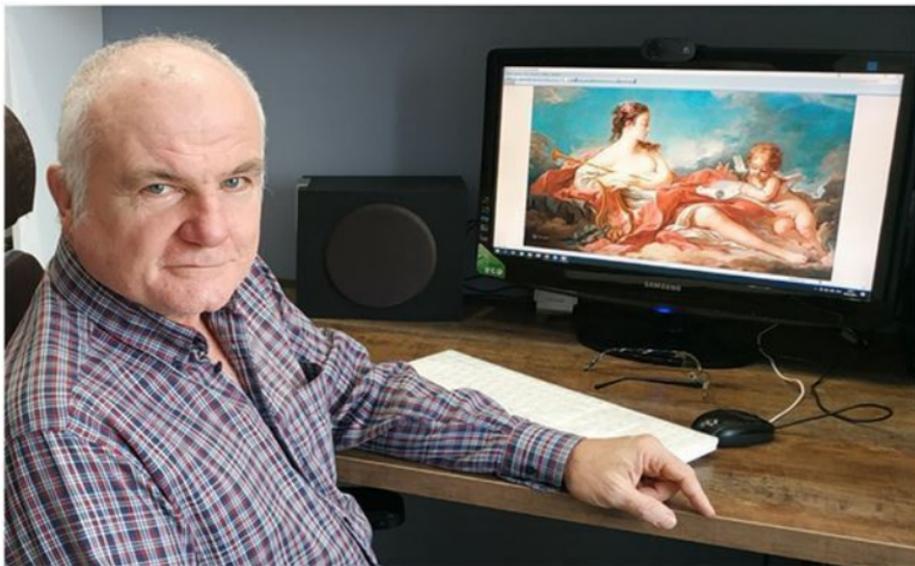
В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вводная глава	6
Принципы отбора и использования стихов	42
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Горошкевич
Эрато и Эрот
Поэты о любви: опыты
ментального анализа
Часть I

© Горошкевич С.Н., 2021

Книга, которую вы держите в руках, называется "Эрато

и Эрот". Эроты знают все. Эрато менее известна. Одна из 9 муз, у древних греков она «отвечала» за любовную поэзию. Что же касается «опытов ментального анализа», то пусть вас не пугает философская на вид формула. «Опыты» со времен М.Монтеня – это всего лишь свободные размышления на тему, а «ментальный анализ» – анализ с применением мозгов. Кстати, анализом автор не ограничивается. Он не забывает и про необходимость синтеза (сборки) информации. Несколько слов об авторе есть во 2-й части на этом же месте.

Жанр книги определить довольно сложно из-за отсутствия прецедентов в мировой литературе. Уникальное издание представляет собой тематически организованные подборки стихов, искусно соединенных авторским текстом: ясным, сочным, живым. С одной стороны, это первая настоящая, строго организованная, энциклопедия мировой любовной лирики; с другой – цельное (пусть и не вполне научное) исследование любви во всех ее многообразных формах и проявлениях.

Диапазон использованного литературного материала максимально широк: поэзия всех времен и народов, 600 авторов, из них 250 писали не на русском языке. Книга предназначена для интеллектуально и эмоционально активных людей, которые интересуются поэзией и «межполовыми» взаимоотношениями.

Вводная глава

Любовь в ее многообразных формах и проявлениях занимает огромное место в жизни человечества и отдельного человека. Большая часть мировой художественной культуры «вертится» вокруг этой оси. В частности, почти вся поэзия от ее глубокого и серьезного философского крыла до Ордена Куртуазных Маньеристов (плесени на останках всемирной литературы, как называют его некоторые доброжелатели) пишет слово Любовь с большой буквы и рассматривает ее как стержень бытия:

В.С.Соловьев (1853–1900)

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце Любви.

В.Ю.Степанцов (р. 1960)

Сменяются вожди, законы и кумиры,
границы грозных царств сметает ужас толп,
и лишь одна Любовь от сотворенья мира
незыблемо стоит и высится как столп.

Очевидно, именно поэтому уже в греческой мифологии

среди 9 муз, «ответственных» за научное и художественное творчество, была **Эрато** – покровительница любовной лирики. С тех пор и поныне любовь остается главным «предметом» поэзии:

Пьер де Ронсар (1524–1585) Франция (пер. М.Я.Бородинской)

Не правда ли, друзья, в какой чести у Муз
Венерино дитя, крылатый карапуз:
Камены следуют шаг в шаг за мальчуганом!
Кто дружен с ним – того они наперебой
Спешат ласкать, учить премудрости любой,
Созвучьям сладостным, и плавным, и чеканным.

Но горе дерзкому, кем оскорблен **Эрот**, —
Камены вмиг его лишают всех щедрот:
Напрасно призывать он станет вдохновенье,
Ему заказано вступать на Геликон,
И непокорным ртом уже не сможет он
К священному ключу припасть хоть на мгновенье.

Я по себе сужу: лишь только петь начну
Героев и богов, войну и старину —
Язык отнимется, слова нейдут часами;
А песнь любовную лишь стоит мне начать,
Незримая рука снимает с уст печать,
И дышится легко, и строки льются сами.

Дорогой Читатель, перед Вами книга, которую я, может быть, и не вполне удачно назвал «Эрато и Эрот». В этом названии Эрот символизирует любовь, а Эрато – любовную поэзию. Как Вы уже заметили, книга начинается вводной главой, которая довольно пространна. Она не всегда была такой. Все начиналось с обычного введения из нескольких страниц. До несуразных размеров оно разрослось вот по какой причине. В процессе работы над книгой я давал почитать ее промежуточные варианты своим знакомым. Они, естественно, делали мне разнообразные замечания: дескать, то не так, а это не эдак. Как водится, каждый тянул в свою сторону. Угодить одному было невозможно без того, чтобы не навлечь на себя гнев другого. Оно и понятно: автор – плоть от плоти народа; читатели – вокруг него. Пойти им навстречу – значит разорваться. «Не хочешь переделывать, так изволь объяснить – почему», – сказали читатели. «Пожалуйста», – ответил я. Так и родилась вводная глава, цель которой – предотвратить возможные недоумения и самооправдаться:

Б.А.Слуцкий (1919–1986)

Начну не с предмета и метода, как
Положено в книгах новейшей эпохи, —
Рассыплю сперва по-старинному вздохи
О том, что не мастер я и не мастак.

Жанр книги определить довольно сложно, а то и вовсе невозможно из-за отсутствия прецедентов в мировой лите-

ратуре. Именно последнее обстоятельство и подвигло меня на ее создание, ибо чем же нам еще заниматься, если не тем, что никто не сделает, кроме нас:

В.А.Большаков (1947–2008)

Из глины вылепили нас,
мы снова глиной станем,
но что же в свой последний час,
товарищ, мы вспомянем?
Да, видно, то, чего никто
за нас с тобой не сделал,
совсем немного, да зато
совсем не мало в целом.

Книга представляет собой тематически организованные подборки стихов самых разнообразных авторов, соединенных (если угодно, разделенных) текстом компилятора. Основная идея, реконструировать объект (жизнь) по его отражению (поэзии), не оригинальна:

И.Л.Сельвинский (1899–1968)

Подобно тому, как скелет динозавра
Воссоздают по одной кости,
Мир любой не сегодня-завтра
Воссоздадим, узнав его стих.

В.А.Павлова (р. 1963)

Буквы буквальны не менее цифр,
не менее к формулам склонны.
Книга стихов, если врубишься в шифр,
становится телефонной.
Верую: свившись спиралью, строка
в мудрых руках потомка
явит структуру моей ДНК,
и вот уже не строка – рука
в руках его, длинная, тонкая.

Действительно, если бы вся Древняя Греция в VII веке до новой эры опустилась на дно морское, как Атлантида, но остались бы поэмы Гомера, то мы бы знали о жизни ее обитателей ненамного меньше, чем знаем сейчас. Принцип организации стихов по тематическому принципу при их публикации также не нов. Скорее наоборот, это хорошо забытое старое. Например, все древнеиндийские поэтические антологии были составлены именно таким образом. В некоторых из них насчитывается более сотни тематических рубрик. Одна из крупнейших книг такого рода начинается следующим стихотворением, написанным, кстати, ее составителем:

Шарнгадхара (XIV век) Древнеиндийская поэзия
(пер. И.Д.Серебрякова)

Сотни мудрых речений, изящных и смелых,
собрала эта книга во многих разделах.
Многотрудной работой доволен я буду,
Если книга понравится доброму люду.

Пусть же это собрание стихотворений,
где с сегодняшним древний соседствует гений,
где порой и мои попадают строки,
вас на миг отвлечет от житейской мороки.

Переадресуя это пожелание своим читателям, я могу только позавидовать его автору, который владел пером не хуже тех поэтов, чьи стихи он использовал при составлении антологии. Если вы сейчас откроете наугад и прочтете любую страницу моей книги, то самым заметным впечатлением почти наверняка будет малоприятное ощущение вопиющего контраста (языкового, стилистического, ментального и любого другого) между стихами и моим текстом. Очень заманчиво было бы заявить, что этот контраст есть результат целенаправленных творческих усилий составителя, сознательно используемый им «литературный прием». Заманчиво, но очень уж далеко от правды. А правда состоит в том, что я просто писал «как умею». Говорят, во время освоения американского Дикого Запада в «салунах» обязательно висел плакат для ковбоев с надписью: «Не стреляйте в пианиста, он играет, как умеет!». Вот и я обращаюсь к уважаемому Читателю с примерно таким же призывом. Беспокоило ли это меня? Да, беспокоило, но лишь в начале работы. Я даже пробовал поступить так, как иногда делают настоящие писатели:

Г.Н.Оболдуев (1898–1954) Советский андеграунд

Я с духом соберусь,
С рассудком тоже,
Перешлифую вкус
И «позу рожи».

Однако очень скоро выяснилось, что эта самая «рожа» у меня безнадежно крива и простыми косметическими средствами ее не исправить. Тут я и вспомнил прочитанную когда-то новеллу одного из французских классиков. В ней говорится о некоем предприимчивом человеке, который первым догадался делать деньги не на красоте, как многие другие до него, а на безобразии. Он нанимал некрасивых женщин и сдавал их напрокат обычным, которые на их фоне выглядели красавицами:

Н.К.Доризо 1978 (1923–2011)

Если б мир
был тождествен
по сходству,
Было бы
бесцветным
бытие.
Красота
обязана
уродству
Тем,
что замечаем
мы ее.

Просто, но очень эффективно. Разве заметишь яркое на ярком? Разве не является контрастный душ замечательным средством «от всего»? Наконец, разве не контрастен сам мир, в котором мы живем?

О.Н.Григорьева (р. 1957)

На чашечках весов
лежат добро и зло.
У вечности веков —
секунда и число.
Два полюса Земли,
то ненависть, то страсть...
Куда ты ни взгляни —
контраст, контраст, контраст...

Использованный в книге принцип создания нового из фрагментов старого вызовет у многих неприятие и законный вопрос: «Зачем же перелопачивать прошлое? Лучше уж попытался бы сочинить что-нибудь новенькое». Действительно, именно этим занято великое множество современных сочинителей. С завидным упорством они изобретают и изобретают велосипеды. Как положено всему новоизобретенному, их изделия далеки от совершенства и малопригодны для использования:

М.А.Зенкевич 1941 (1891–1973)

Поэт, зачем ты старое вино
Переливаешь в новые меха?
Все это сказано уже давно
И рифмою не обновишь стиха.

Поэты стараются. Надо отдать им должное. Удачи редки. Однако на то они и поэты, чтобы стремиться к невозможному:

Н.Н.Матвеева (1934–2016)

Все сказано на свете:
Несказанного нет.
Но вечно людям светит
Несказанного свет.

Увы, создать нечто абсолютно оригинальное, особенно в области поэзии, в наше время просто нереально. Современная культура – это невысказанно сложная система прямых и причудливо искривленных зеркал, отражающих самое себя. «Написано всего такая бездна, что новое, поверьте, бесполезно»:

И.М.Губерман (р. 1936)

Люди воздух мыслями копят
многие столетия год за годом,
я живу в пространстве из цитат
и дышу цитатным кислородом.

У многих крупнейших современных авторов скрытые и открытые цитаты, не говоря уже про аллюзии, составляют скелет произведения. «А кто не читит цитат, тот регегат и гад». Есть целые направления, которые ставят этот принцип во главу угла, например, так называемая центонная поэзия. Так может быть, действительно, лучше разобраться с уже имеющимся, обобщить и систематизировать его? В предлагаемой Вашему вниманию книге заимствование возведено в абсолют: «Стяжал и за грех не считаю».

Фрагментарность, мозаичность, пестрота предлагаемой Вашему вниманию книги кого-то заставит усмехнуться, кого-то – поморщиться, а кого-то и вовсе плюнуть. Предлагаю уважаемым посмотреть вокруг. Для современных Человека и Человечества меньше всего характерна цельность. Лоскутное одеяло – вот знамя того мира, в котором мы живем. На каждом из лоскутиков – свой девиз. А можно ли написать что-нибудь поверх всего этого? Да, только одно слово. И это слово:

«Любовь».

В наше время как никогда быстрыми темпами падает интерес ко всем остальным вечным проблемам. Явно грядет век полного безразличия к ним. Что же остается? Только такие не просто высшие, а единственно подлинные ценности, как Любовь и ее частное проявление – Любовь к Прекрасному, Красоте:

Шарль Пьер Бодлер (1821–1867) Франция (пер.

Ты рождена от звезд или пришла из ада?
О Красота, ответь: ты бес иль божество?
Ты к злу или добру влечешь лишь силой взгляда,
Ты, как вино, пьянишь, но ты сильнее его.

Ты вечер грозовой, из ароматов свитый,
В твоих глазах закат вплетается в восход.
Твои уста – сосуд, избранникам открытый,
Твой строгий поцелуй – как зелье – приворот. /.../

Ты Ужас делаешь невинною игрушкой,
По трупам шествуешь, минуя кровь и грязь,
Убийство и разврат блестящей погремушкой
На грудь, надменную, ты вешаешь, смеясь. /.../

И что мне за печаль, из мрака преисподней
На землю ты пришла, с небесных ли высот,
Сирена злая ты иль серафим господний,
Наивное дитя, страшилище, урод, —

Когда лишь ты одна: твой взор, движенья стана,
Рука твоя, нога, – лишь ты, о Красота,
В то Бесконечное, что нам всегда желанно,
Всегда неведомо, открыла мне врата.

И что мне, рождена ты светом или тьмою,
Когда с одной тобой, о вечный мой кумир, —

О ритм, о цвет, о звук! – когда с одной тобою
Не так печальна жизнь, не так ужасен мир.

Да, природа красоты сложна. Но вся надежда – только на нее. Моралисты уже пробовали спасти нас, грешных, проповедью добра и справедливости. Да только воз и ныне там. Возможно, Лев Николаевич Мышкин был не таким уж идиотом, когда сказал свою знаменитую фразу:

А.А. Коринфский (1868–1937)

Да, красота, – и только красота, —
Спасает нас от гибели позорной...
Она одна осталась непокорной
Тебе, житейская слепая суета!

Ни чувства мелочность, ни мысли нищета, —
Ничто не затемнит ее – нерукотворной;
Нет, ни отравой лжи, ни клеветой черной
Ее не запятнать! Она – всегда чиста.

Итак, любовь и красота – две нетленные ценности. Очевидно, что ядро любви вообще есть половая любовь, равно как и ядро красоты вообще – есть красота возлюбленной:

Константэн Григорьев (1968–2008)

Что делать с женской красотой —
волшебной, грешной и святою?
Я, как мужчина, как поэт,

конечно, должен знать ответ.
Но я его не знаю, нет;
итак, обсудим сей предмет.

Красавицу свалить на ложе?
Да, это на ответ похоже,
но за последнею чертой
поймешь вдруг с резкой прямоюй,
что обладал ты красотой
и той и вроде бы не той.

Ведь красота – такое чудо!
И, говорят, – привет «оттуда»...
А вот откуда – все молчат.
Она и рай для нас, и ад,
она ласкает слух и взгляд,
несем мы ей, кто чем богат.

Зачем живем – и то не знаем,
мы Красоту не понимаем,
лишь знаем – это Красота,
она нетленна и чиста,
она – как дымка, как мечта,
ужель лишь сердца маета?

И к ней привыкнуть невозможно,
как и ответить односложно,
чем красота нас в плен берет,
и я стою, разинув рот,

пред красотой, как идиот, —
она мне больно душу жжет. /.../

Вопросы эти, эти чувства
есть тайный двигатель искусства —
увековечить красоту,
поймать, загнать в силки мечту,
вручить бумаге иль холсту,
крича: «Да вот она в цвету!»

Любимая женщина – это чистая поэзия для влюбленно-го поэта. Она прекрасна и безупречна во всех отношениях. Она – эталон красоты, «чистойшей прелести чистойший образец»:

Генрих Гейне (1797–1856) Германия (пер. В.В.Левика)

Женское тело – те же стихи!
Радуюсь дням созиданья,
Эту поэму вписал Господь
В книгу судеб мирозданья.

Был у Творца великий час,
Его вдохновенье созрело.
Строптивый, капризный материал
Оформил он ярко и смело.

Воистину женское тело – песнь,
Высокая песнь песней!

Какая певучесть и странность во всем!
Нет в мире строк прелестней.

Один лишь Вседержитель мог
Такую сделать шею
И голову дать – эту главную мысль —
Кудрявым возглавьем над нею.

А груди! Задорней любых эпиграмм
Бутоны их роз на вершине.
И как восхитительно к месту пришла
Цезура посередине.

А линии бедер: как решена
Пластическая задача!
Вводная фраза, где фиговый лист —
Тоже большая удача.

А руки и ноги! Тут кровь и плоть,
Абстракции тут не годятся,
Губы – как рифмы, но могут притом
Шутить, целовать и смеяться.

Сама Поэзия во всем,
Поэзия – все движенья.
На гордом челе этой песни печать
Божественного свершенья.

Таким образом, любовь и красота наиболее гармонично

соединяются в художественном творчестве, особенно поэтическом. Воистину нет бога, кроме Эрота и поэты – пророки его:

Андон Зако-Чаюпи (1866–1930) Албания (пер. Д.Самойлова)

Нигде я бога не встречал,
Любовь везде видна.
Жизнь наша без ее начал
Бесплодна и скудна.

Чему молиться – божеству
Или любви земной?
Любовь я богом назову
И ей молюсь одной!

Для чего вообще люди пишут книги? С целью облагодетельствовать человечество, поведав ему то, что ты знаешь, а оно – нет? Может быть. Но для этого нужно быть неправдоподобно хорошим человеком, альтруистом. Обычный человек если знает, то молчит:

И.М.Губерман (р. 1936)

Кто понял жизни смысл и толк,
давно заткнулся и умолк.

Разговор или писанину затевают те, кто сами и для себя хотят в чем-то разобраться. Вот Вам, дорогой Читатель, и

ответ на давно возникший у Вас законный вопрос: а при чем здесь сам компилятор? Уверяю Вас, абсолютно ни при чем. Я действительно не имею ни малейшего отношения ни к стихам (не сочинил за свою жизнь ни одной строчки), ни к любви (ни разу не испытывал этого чувства). Отсюда интерес и к тому, и к другому. «Кто про что, а вшивый про баню», – говорит наш мудрый народ, и он совершенно прав. Хорошо ли это? И да, и нет. Я сознательно поставил себя в довольно сложное, но в такой же мере и выигрышное положение инопланетянина, которому поручено изучить самое иррациональное явление в психике жителей Земли – половую любовь – при помощи настолько же иррационального метода, как анализ мировой любовной лирики. Вижу, как многие из людей романтических и одухотворенных поморщились, а некоторые даже и «содрогнулись». «Да как же он, не любивший и не творивший, смеет замахиваться на самое святое – любовь и поэзию», – ужаснулись они:

Лидия Койдула (1843–1886) Эстония (пер. П.И.Железнова)

Коль не лелеял в тишине
Любви в груди своей,
То, как слепой о белом дне,
Ты не суди о ней.

«Протестую», – как говорят стороны в суде. Если ставить вопрос таким образом, то логично просто поднять ру-

ки вверх и вообще отказаться от изучения чего бы то ни было. Исследование предполагает наличие реально существующего объекта и познающего его субъекта именно как двух несовпадающих данностей. В Англии есть пословица: «Onlookers see more than players». Среди читателей наверняка найдутся более или менее ярко выраженные «агностики», которые вообще сомневаются в том, что любовь поддается исследованию. Есть такие люди и среди поэтов:

В.А.Рожественский 1976 (1895–1977)

Любовь, любовь – загадочное слово,
Кто мог бы до конца тебя понять?
Всегда во всем старо ты или ново,
Томленье духа ты иль благодать?

Невозвратимая себя утрата
Или обогащенье без конца?
Горячий день, какому нет заката,
Иль ночь, опустошавшая сердца?

Что ж, сомнение – это обязательный мотив и компонент познания. Вопрос только в их гармоничном сочетании:

И.М.Губерман (р. 1936)

Мудрость Бога учла заранее
пользу вечного единения:
где блаженствует змей познания,
там свирепствует червь сомнения.

Сомнение в возможности познания какого-либо предмета только разжигает азарт истинного исследователя. Следующий вопрос: а нужно ли это познавать? Некоторые утверждают, что изучение любви не только невозможно, но и не нужно:

К.Н.Льдов (1862–1930) Поэзия эмиграции

Пусть влечение страсти – загадка,
Пусть прекрасны влюбленные взоры:
Отдаваться их неге так сладко!
Так ничтожны о них разговоры!

С.К.Маковский (1877–1962)

Не спрашивай. Люби, не понимая.
Любовь – печаль. В неведеньи земном —
Предчувствие о веденьи ином,
в земной тоске – отрада неземная.

Н.К.Доризо (1923–2011)

Моя любовь —
Загадка века,
Как до сих пор
Каналы марсиан,
Как найденная флейта
Человека,

Который жил
до древних египтян. /.../
Что ж,
может быть,
В далекий век тридцатый
В растворе человеческой крови,
Не лирики,
А физик бородатый
Откроет
атом
Вещества любви.
Его прославят
летописцы века,
О нем
молва
пойдет
Во все края.
Природа,
сохрани от человека
Хотя бы
эту
Тайну бытия!

И.М.Губерман (р. 1936)

Разбираться прилежно и слепо
в механизмах любви и вражды
так же сложно и столь же нелепо,
как ходить по нужде без нужды.

Само слово «изучение» некоторые авторы считают неуместным, когда речь идет о живых чувствах. Впрочем, они не отрицают необходимости для каждого отдельного человека разбираться во всем этом посредством некоего интуитивного «понимания»:

М.И.Алигер 1956 (1915–1992)

Изучать положено от века
ремесло, науки, языки.
Но живые чувства человека,
жар любви и холодок тоски,
негасимый свет, огонь горячий,
тот, который злу не потушить...
Это называется иначе.
Понимать все это – значит жить.

С этим трудно не согласиться. Но почему же одно должно быть вместо другого, а не вдобавок к нему? Действительно, половая любовь – это на редкость сложный и противоречивый комплекс психических явлений:

Гаспара Стампа (1523–1554) Италия (пер. Н.Н.Матвеевой)

Проклятие – в меня влюбленным страстно!
Я пред надменным жажду преклоняться,
Смиренна с не желающим смириться.
Люблю того, кто смотрит безучастно.

В негодование он меня приводит!
Другие мир, довольство мне готовят,
Но лишь за ним душа моя стремится.

И все в любви навыворот выходит:
Бесчестье чести гордо прекословит,
Смиранный – плачет, злобный – веселится.

Разобраться во всем этом очень не просто. Я имею некоторый опыт в обобщении и систематизации самых разнообразных фактов. Тем не менее, признаюсь, что в начале работы и у меня глаза разбегались, а концы не сходились:

Г.Н.Оболдуев (1898–1954) Советский андеграунд

Но начал я писать —
И что ж? Куда та
Девалась – стройность, гладь,
Отбор понятий...
Смешалось все, как в доме
Облонских: даже
Погуще, повесомей...
Для камуфляжа
Тут что ль во всей красе
Не дом, а цирк,
Где производят все
Кувырк?

Однако постепенно все более или менее «устаканилось». Орешек знания, действительно, тверд, но стремление к познанию всего сущего

неистребимо в человеке, ибо человеком его сделал Разум:
В.Ф.Ноздрев (1913–1995)

Моим дерзаньям нет предела,
Я не могу сидеть без дела.
Был человек четвероногий,
И беззащитный, и убогий,
Явился я – и стал он прям,
И дерзновенен и упрям.

Эмили Дикинсон (1830–1886) США (пер. В.Н.Марковой)

Наш Мозг – пространнее Небес.
Вложите – купол в купол —
И мозг вместит весь небосвод
Свободно – с Вами вкупе.

Наш Мозг – глубиннее Морей.
Пучину лей в пучину —
И он поглотит океан —
Как губка – пьет кувшин.

Безусловно, наиболее сложным объектом познания для человека является сам человек. Суть его настолько неулови-

ма и противоречива, что у многих, в том числе и у поэтов, просто опускаются руки:

Б.А.Слущкий (1919–1986)

И положительный герой,
И отрицательный подлец —
Раздуй обоих их горой —
Мне надоели наконец. /.../

Зверь это зверь. Дверь это дверь.
Длину и ширину измерь,
Потом хоть десять раз проверь
И все равно: дверь – это дверь.

А – человек?
Хоть мерь, хоть весь,
Хоть сто анкет с него пиши,
Казалось, здесь он.
Нет, не здесь.
Был здесь и нету ни души.

Разочаровавшись в возможности познать человека, некоторые бросают это «темное дело», переходят на живую или неживую природу. Я представляю встречный поток: тех, кто идет от природы к человеку. Уверен, что человек вообще и его половое поведение в частности как объекты познания принципиально не отличаются от всего остального. А что касается сложности предмета, то, как говорится, по Сеньке и

шапка. Поэтому мне ничего не остается, как вместе с поэтом сказать господам агностикам следующее:

С.Я.Надсон 1883 (1862–1887)

Не вини меня, друг мой, – я сын наших дней,
Сын раздумья, тревог и сомнений;
Я не знаю в груди беззаветных страстей,
Безотчетных и смутных волнений.
Как хирург, доверяющий только ножу,
Я лишь мысли одной доверяю, —
Я с вопросом и к самой любви подхожу
И пытливо ее разлагаю!..

Вернемся к стихам. Обычно те, кто «работает» с ними (критики, интерпретаторы, исследователи) ставят своей целью проникнуть в «творческую мастерскую» поэта, постигнуть «механизм» рождения стихов. В истории филологии известны случаи, когда один-единственный сонет служил поводом для написания довольно толстой книги. Большинство поэтов скептически относятся к попыткам исследования их творчества:

Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) Ирландия (пер. Г.М.Кружкова)

Хрычи, забыв свои грехи,
Плешивцы в стане мудрецов
Разжевывают нам стихи,
Где бред любви и пыл юнцов,

Ночей бессонных маета
И – безответная мечта.

По шею в шорохе бумаг,
В чаду чернильном с головой,
Они от буквы – ни на шаг,
Они за рамки – ни ногой.
Будь столь же мудрым их Катулл,
Вы б закричали: «Караул!»

Л.Н.Мартынов 1954 (1905–1980)

Творим мы из чего-то что-то,
А что творим мы из чего —
Не ваша, умники, забота,
И в том – искусства торжество!

М.Н.Воскресенская (р. 1913)

Мир созидания – вечная тайна...
Что в ней обдуманно? Что в ней случайно?
Мир – постижим. Только это одно —
Как осеняет? – постичь не дано!

Михаил Гробман Поэзия эмиграции

Когда филолог всех берет на пушку
И расчленяет слово на слога
И смысл рассекает как лягушку

И упирает в нас свои рога /.../

Беги поэт той алгебры паскудной
Она на вивисекторском столе
Переиначит путь твой многотрудный
И на предметном разотрет стекле

И.М.Губерман (р. 1936)

Навряд ли наука найдет это место,
и чудом останется чудо.
Откуда берутся стихи – неизвестно.
А искры из камня – откуда?

Поэзия – это «звуки сладкие». Она, в сущности, одинаково близка и к литературе, и к музыке. Объяснять стихи так же бессмысленно, как и музыку:

Н.Н.Матвеева (1934–2016)

Вы объяснили музыку словами.
Но, видно, ей не надобны слова —
Не то она, соперничая с вами,
Словами изъяснялась бы сама.
И никогда (для точности в науке)
Не тратила бы времени на звуки.

Скажу сразу: я вообще не ставил перед собой задачу изучать творчество поэтов – авторов любовной лирики. Боже

упаси. Задача книги принципиально другая – исследование половой любви на основе их «готовой продукции». Если бы за это дело взялся специалист – профессионал в науке о поэзии или в науке о любви, то перед ним сразу же встали бы неразрешимые проблемы. Для того, чтобы правильно и безошибочно использовать какой-либо стихотворный текст (а именно это – свойство профессионала), ему пришлось бы получить о нем точную научную информацию: когда и при каких обстоятельствах личной и социальной жизни поэт создал данное стихотворение, насколько искренним он был при этом, в какой мере совпадают в этом произведении автор и лирический герой, а также многое, многое, многое другое. Первый вопрос: а этично ли это? Сами поэты уверены, что нет. Как и большинство психически здоровых людей, они резко отрицательно относятся к попыткам вывернуть наизнанку и проанализировать их частную жизнь:

Редьяд Киплинг (1865–1936) Англия (пер. К.М.Симонова)

Я вам оставлю столько книг,
Что после смерти обо мне
Не лучше ль спрашивать у них,
Чем лезть с вопросами к родне!

И.Л.Сельвинский 1964 (1899–1968)

Каждый человек имеет право

На туманный уголок души.
Но поэт... Лихие легаша
Рыщут в нем налево и направо,
Вычисляют, сколько пил вина,
Сколько съел яичниц и сосисок,
Составляют донжуанский список —
Для чего? Зачем? Моя ль вина,
Что, пока не требует поэта
Аполлон, — я тоже человек?
Эпохальная моя примета
Только в сердце, только в голове!
Мы хотим сознание народа
Солнечным сияньем оплесть...
Так не смей, жандармская порода,
В наши гнезда с обысками лезть!

И тут поэты совершенно правы. «Я поэт. Этим и интересен», — говорят они. Этим, и только этим! А все остальное — не наше собачье дело. Если оставить этику в стороне, то встанет второй вопрос: а возможно ли получить искомую информацию о происхождении каждого стихотворения? Уверен, что нет. Конечно, имеется целая отрасль науки, которая как раз этим и занимается. Однако опереться на ее достижения даже теоретически очень сложно, а практически — совершенно невозможно. Почему? Во-первых, объем научной и полунучной литературы, имеющей отношение к потенциально пригодным для использования стихам, совершенно необозрим. Нужна не одна жизнь, чтобы ознакомиться со всем

этим хотя бы поверхностно. Во-вторых, серьезными и глубокими исследованиями охвачено творчество лишь очень немногих великих поэтов. Творчество остальных – средних и особенно мелких, изучено слабо или вовсе не изучено. Наконец, в-третьих, наука о стихах, как и любая другая наука, особенно из числа гуманитарных и вдобавок имеющих дело с прошлым, изобилует противоположными, спорными, взаимоисключающими взглядами ученых на один и тот же вопрос. Учитывая все вышесказанное, я принципиально не использовал научное литературоведение в своей работе и попытался забыть то немногое, что мне было известно из его достижений. Я поступил так отнюдь не из пренебрежения к науке, а как раз из уважения к ней. Ведь я не ученый-литературовед, а самый что ни на есть простой читатель – дилетант. «Я не филолог, я логофил», – сказала Вера Павлова. Так вот, она Логофил с большой буквы: открывает слова. А я – с маленькой: мне просто нравятся слова красивые, при этом не лишённые смысла. Как обычный человек читает стихи? Очень просто: он прочитывает стихотворение и понимает или не понимает его так, как хочет и может, т. е. СУБЪЕКТИВНО. В процессе работы над этой книгой было несколько случаев, когда я, уже вставив в текст некий стихотворный фрагмент, случайно узнавал из какого-то источника информации, что поэт написал данное стихотворение совсем в другой ситуации, совсем по другому поводу и вкладывал в него совсем другой смысл. Обычно это было связано

с неясностью и двусмысленностью самого стихотворения:

Ю.Ю.Власенко (р. 1949)

Ясность

Но она слишком прозрачна

Чтобы ее замечали

Расходится муть метафор

И по ним

Гадают

Бывало и так, что неправильная интерпретация происходила явно по причине моего недомыслия. Так вот, я во всех без исключения случаях оставлял фрагмент на прежнем месте! Не думаю, что это хорошо. Но и не плохо, ибо субъективность восприятия есть основа литературы и искусства, со стороны как их производителей, так и потребителей.

В свое оправдание приведу хрестоматийный пример. Социная знаменитый фрагмент «Куда, куда вы удалились?..» А.С.Пушкин явно насмеяется над слюнявым стихотворчеством Ленского, пародирует лишённые поэтической правды и истинного чувства творения эпигонов романтизма. П.И.Чайковский, то ли не разобравшись в ситуации, то ли, наоборот, совершенно сознательно стремясь продемонстрировать свои уникальные возможности композитора, делает на этом изначально

«юмористическом» материале совершенно серьёзную

арию, которой верят и над которой рыдают поколения благодарных слушателей, сожалея вместе с автором об утраченных иллюзиях. К моменту создания арии А.С.Пушкина уже не было в живых. Поэтому он не мог предъявить претензий П.И.Чайковскому. Признаюсь, что в этом плане я особенно боюсь современных, ныне здравствующих авторов. Вначале я даже старался избегать использования их стихов в своей работе. Во-первых, они в среднем пишут более мудрёно, чем их предшественники. А во-вторых, они живы-здоровы и им, конечно, должно быть обидно и досадно, что какой-то недумок без спросу использовал и вдобавок неправильно интерпретировал их нетленные произведения. Поэты вообще страшно не любят, просто не переносят читателей, которые вместо того, чтобы наслаждаться стихами, начинают ковыряться в них, выуживать и отцеживать неизвестно что. Такие читатели, тем более, горе-писатели, представляются поэтам просто какими-то *ползучими* гадами:

Галактион Табидзе (1892–1959) Грузия

(пер. К.М.Симонова)

Есть настоящий, сущий –

Души твоих книг читатель.

И есть ему вслед *ползущий*

Книжных листов листатель,

Тянет, потянет, вытянет

Где-нибудь лыко в строку,

Выудит, выдоит, выкопает...

Ни спросу с него, ни проку!

И.А.Ахметьев (р. 1950) Советский андеграунд

немного страшный
вслед за гением
ползет скрипя анализатор
он полон строгим убеждением
что без него никак нельзя

Что тут можно сказать? Только одно: простите меня, пожалуйста, коли сможете. По роду занятий я ученый, научный сотрудник, правда, совсем в другой области. В этом качестве я сам и субъект творчества, и интерпретатор чужих творческих достижений. Поэтому мне очень легко поставить себя на место глубокоуважаемых поэтов и специалистов-филологов. Если бы мне в руки попала книга по моей научной специальности, написанная таким махровым дилетантом, каким я ощущаю себя в области поэзии и литературоведения, то я уже после прочтения нескольких первых страниц обругал бы автора последними словами, а сам опус безжалостно выбросил бы в корзину для мусора. Очень надеюсь, что и с моим произведением специалисты поступят так же. Ведь это книга не для них, а для самого наипростейшего читателя.

Теперь несколько слов о других отраслях знания, имеющих отношение к теме работы, т. е. о философии, социологии и психологии. Я никогда всерьез не обучался ни од-

ной из этих наук. Мои познания в них довольно поверхностны и фрагментарны, причем, все они приобретены в период до начала работы над этой книгой. После я старался избегать чтения такого рода литературы. Знаю, что есть много ярких и интересных исследований по различным аспектам половой любви, в которых авторы профессионально и со знанием дела неопровержимо доказывают правильность своей точки зрения на предмет. Неискушенным читателям, к каковым я отношу и себя, очень сложно противостоять этому напору и сохранить самостоятельность мышления. Вот я и выбрал самое простое решение – по возможности «самоизолировался». Материал для этой книги – стихи, а инструмент для работы с ними – здравый смысл. Ощущая себя скромным и непритязательным дилетантом, я попытаюсь не досаждать уважаемому Читателю разного рода «отсебятиной», напротив, буду стремиться максимально полно, объективно и беспристрастно отразить лишь все то, что есть в подвергаемом анализу материале.

Не исключено, что, идеальным вариантом книги такого рода было бы полное отсутствие авторского текста. Это, к сожалению, невозможно из-за неизбежной фрагментарности материала и необходимости «раствора», связывающего отдельные «кирпичики» в некое сооружение. Как Вы уже заметили, каждый из этих «кирпичиков» включает имя автора и собственно стихотворный фрагмент. Кроме того, приведены дата создания произведения и годы жизни автора, ес-

ли они известны мне. Для не русскоязычных авторов указана также страна и имя переводчика. В книге стихотворный фрагмент обычно располагается после относящегося к нему текста. Однако это не означает, что стихи всего лишь «иллюстрируют» текст. Нет, вся конструкция построена именно из стихов. «Технология» такова. Я беру «кирпичик» (стихотворный фрагмент) и начинаю соображать, куда бы его пристроить. Обнаружив подходящее место, я прикрепляю его туда при помощи «раствора» (текста). Исключения редки и хорошо заметны невооруженным глазом. Здесь можно было бы поставить точку, закончив тем самым затянувшееся введение, и перейти, наконец, к основной части. Пусть так и сделают самые нетерпеливые читатели. А я все-таки продолжу – для остальных:

М.Ю. Лермонтов (1814–1841)

Будь терпелив, читатель милый мой!
Кто б ни был ты – внук Евы иль Адама,
Разумник ли, шалун ли молодой, —
Картина будет; это – только рама!

А.А.Блок 1911 (1880–1921)

Тебе, читатель, надоело,
Что я тяну вступленья нить,
Но знай – иду я смело к цели,
Чтоб истину установить.

Краткость, как известно из классики, сестра таланта. Ну а мне, бесталанному, не до краткости, быть бы понятным:

Е.А.Евтушенко 1986 (1933–2017)

Завидую мощи пространства,
спрессованной словом в пласты,
но краткость – сестра бесталанства,
когда она от пустоты.

А посему придется вам, дорогой Читатель, ознакомиться вкратце с тем, как и для чего создавалась эта книга.

Принципы отбора и использования стихов

Во избежание недомолвок, скажу сразу, что в дальнейшем мы будем говорить, главным образом, именно о стихах, но не о поэзии. Разницу между двумя этими понятиями, полагаю, знают все. «Поэзия темна, в словах невыразима», – сказал И.А.Бунин. Она разлита в мироздании. Она везде и всюду, ее нет разве что в стихах совсем плохого поэта. Она по определению не может быть плохой и хорошей. А вот поэты и их стихи – могут. Собственно говоря, наличие и уровень поэзии – это главный критерий для определения качества стихов. Распознать и оценить поэзию может только тот, кто сам хотя бы чуть-чуть поэт, иными словами, тот, кто созрел, но сохранил в себе при этом свежесть и непосредственность ребенка:

Н.В.Крандиевская 1959 (1888–1963)

Словами властвую. Хочу —
В полет их к солнцу посылаю.
Хочу – верну с пути, и знаю,
Что с ними все мне по плечу.

Туда забрасываю сети,
Где заводи волшебных рыб,

Где оценить улов могли б
Одни поэты лишь да дети.

Ваш покорный слуга, увы, лишен всего этого. Поэтому мне остается оперировать не поэзией, но стихами. Из них я стремился включать в книгу только те фрагменты, в которых форма и содержание находятся хотя бы в относительной гармонии:

Саша Черный 1909 (1880–1932)

Один кричит: «Что форма? Пустяки!
Когда в хрусталь налить навозной жижи —
Не станет ли хрусталь безмерно ниже?»
Другие возражают: «Дураки!
И лучшего вина в ночном сосуде
Не станут пить порядочные люди».

Им спора не решить... А жаль!
Ведь можно наливать... вино в хрусталь.

Что понимает под стихами обычный читатель? Безусловно, это нечто со смыслом, рифмой и ритмом. Так поступал и я. Прочитав это, многие ценители поэзии поморщатся. Ведь им известно, что большая часть вершин в поэзии, например, двадцатого века – это верлибр с более или менее выраженными элементами зауми. К последнему можно относиться по-разному. Непонятные массовому читателю авторы были

всегда:

П.А.Вяземский 1810 (1792–1878)

Нет спора, что поэт богов языком пел:
Из смертных бо никто его не разумел.

Конечно, проще всего объявить непонятое изначально лишенным смысла. Это вполне естественно для человека, ибо как же ему жить на свете, если он, как лисица у Эзопа, не умеет сказать себе, что виноград зелен, когда не может его достать. Я далек от такой крайней точки зрения. Любой вид творческой деятельности, любая область знания, любая форма отражения окружающего мира непрерывно усложняются, углубляются, совершенствуются. Поэтому их высшие, а в последнее время – и средние этажи, стали близки и понятны только знатокам, экспертам, специалистам. Когда речь идет про науку, то это ясно всем. Возьмем физику. Мало кто свободно и с удовольствием ориентируется, например, в квантовой механике. Зато все знают закон Архимеда, а те, кто не знает, все равно регулярно и с успехом используют его, когда варят картошку. В искусстве и литературе происходит примерно то же самое. Те творцы, которые познают и выражают нечто доселе непознанное и невыраженное, вдобавок пользуются при этом относительно новыми методами, в принципе не могут быть поняты и приняты современным им массовым читателем. Ведь давно известно, что читатели «Гамлета» ро-

дились примерно через два века после смерти его автора. Если упростить ситуацию до предела и взять в качестве примера русскую поэзию, то окажется, что вершины ее золотого века – это как бы школьная программа, серебряного – вузовская, а бронзового (если таковой все-таки был) – удел знатоков и ценителей. Расхождение между оценкой поэтов специалистами и простыми читателями существовало на протяжении всей истории литературы. Поэты были вынуждены лавировать, смотреть то на одних, то на других. В современном мире взгляды на поэзию литературных критиков и простого народа разошлись почти до диаметрально противоположных. Бедным поэтам не позавидуешь: угодить той и другой стороне стало в принципе невозможно. Поэты, которые поворачиваются лицом к читателю, демонстрируют специалистам ту часть своего тела, лицемерие которой не доставляет последним никакого удовольствия:

И.Л.Сельвинский 1932 (1899–1968)

Как часто бездушные критикококки
Душат стих, как чума котят,
И под завесой густой дымагогии
В глобус Землю втиснуть хотят;

Сколько раз, отброшен на мель,
Рычишь: «Надоело! К черту! Согнули!»
И, как малиновую карамель,
Со вкусом глотнул бы кислую пулю...

И вдруг получишь огрызок листка
Откуда-нибудь из-за бухты Посьета:
Это великий читатель стиха
Почувствовал боль своего поэта.

И снова, зажавши хохот в зубах,
Живешь, как будто полмира выиграл!
И снова идешь
        среди воя собак
Своей. Привычной. Поступью. Тигра.

Разумеется, из поэтов прошлого (20-го) века в настоящей книге преобладают именно такие. Признаюсь, что я сам всегда снизу вверх глядел на тех, кто понимает, любит и ценит современные «туманные» стихи. Однажды я с удивлением обнаружил, что почти так же ведут себя и некоторые «понятные» поэты по отношению к своим «непонятым» коллегам:

Е.А.Евтушенко 1985 (1933–2017)

Я так завидовал всегда
всем тем,
        что пишут непонятно,
и чьи стихи,
        как полупятна
из полудыма-полульда.
Я формалистов обожал,
глаза восторженно тарасил,

а сам трусливо избежал
абракадабр

и тарабаршин.

Я лез из кожи вон

в борьбе

со здравым смыслом, как воитель,

но сумашедшинки в себе

я с тайным ужасом не видел. /.../

О, непонятные поэты!

Единственнейшие предметы

белейшей зависти моей...

Я —

из понятнейших червей.

Ничья узда вам не страшна,

вас в мысль никто не засупонил,

и чье-то:

«Ничего не понял...» —

вам слаще мирра и вина.

Творцы блаженных непонятиц,

поверх сегодняшних минут

живите,

верой наполняясь,

что вас когда-нибудь поймут.

Счастливицы!

Страшно между тем,

быть понятым, но так превратно,

всю жизнь писать совсем понятно,

уйдя непонятым совсем...

Действительно, быть понятным еще не означает быть понятным. Да и сама простота порой весьма и весьма обманчива:

И.М.Иртенъев 1995 (р. 1947)

Стихи мои, простые с виду,
Просты на первый только взгляд,
И не любому индивиду
Они о многом говорят.

Вот вы, к примеру бы, смогли бы
В один-единственный присест
Постичь их тайные изгибы
И чудом дышащий подтекст.

Да я и сам порой, не скрою,
Вдруг ощущаю перегрев
Всей мозговой своей корою,
Пред их загадкой замерев.

Затемнение смысла если не гарантирует поэту удачу, то эффективно страхует его от неудач. Ведь трудно упрекнуть автора в отсутствии глубины и тонкости, если непонятно, о чем идет речь. Тем не менее, как и все сторонники здравого смысла, я уверен, что говорить просто о сложном не проще, а сложнее, чем сложно о простом:

З.Н.Гиппиус (1869–1945)

Одно неясное привыкли мы ценить.

В запутанных узах, с какой-то страстью ложной
Мы ищем тонкости, не веря, что возможно
Величье с простотой в душе соединить.

И.М.Губерман (р. 1936)

Искусство, отдаваясь на прочтение,
распахнуто суждению превратному:
питая к непонятому почтение,
Мы хамски снисходительны к понятному.

Давно известно, что все гениальное просто. Поэзия в этом отношении, как и во многих других, представляет собой яркий пример общего правила:

Н.И.Глазков 1951 (1919–1979) Советский андеграунд

Чтоб так же, как деревья и трава,
Стихи поэта были хороши,
Умело надо подбирать слова,
А не кичиться сложностью души.

Ю.В.Друнина (1924–1991)

Я музу бедную безбожно
Все время дергаю:
– Постой!
Так просто показаться «сложной»,
Так сложно, муза, быть «простой».

Ах, «простота»! —
Она дается
Отнюдь не всем и не всегда —
Чем глубже вырыты колодцы,
Тем в них прозрачнее вода.

Специфическая черта поэзии как формы познания окружающего мира – то, что она говорит, в том числе, о неясном. Однако говорить о неясном и неясно выражаться – это, как говорят в Одессе, «две большие разницы». Ведь в самых простых и понятных, но «настоящих» стихах может таиться бездна смыслов и оттенков:

И.М.Губерман (р. 1936)

Из-под поверхностных течений
речей, обманчиво несложных
текут ручьи иных значений
и смыслов противоположных.

Поэтому, ничего не отрицая и не хуля, мы просто оставим в покое весь и всяческий авангардизм: и в узком, и в широком смысле. В книге будут использованы только те стихи, у которых четко выражен примат содержания, смысла:

Никола Буало-Депрео (1636–1711) Франция (пер. Э.Л.Линецкой)

Будь то в трагедии, в эклоге иль в балладе,
Но рифма не должна со смыслом жить в разладе;

Меж ними ссоры нет и не идет борьба:
Он – властелин ее, она – его раба.
Коль вы научитесь искать ее упорно,
На голос разума она придет покорно,
Охотно подчинясь привычному ярму,
Неся богатство в дар владыке своему.
Но чуть ей волю дать – восстанет против долга,
И разуму ее ловить придется долго.
Так пусть же будет смысл всего дороже вам,
Пусть блеск и красоту лишь он дает стихам!

**Иоганн Вольфганг Гете 1815–1832 (1749–1832) Герма-
ния (пер. Б.Л.Пастернака)**

Учитесь честно достигать успеха
И привлекать благодаря уму.
А побрякушки, гулкие, как эхо,
Подделка и не нужны никому.
Когда всерьез владеет что-то вами,
Не станете вы гнаться за словами,
А рассужденья, полные прикрас,
Чем ярче обороты и цветистей,
Наводят скуку, как в осенний час
Вой ветра, обрывающего листья.

**Антонио Мачадо (1875–1939) Испания (пер. Н.В.Гор-
ской)**

Пусть ассонанс не слишком точен

и рифма скудная проста.
Порой бывает стих отточен,
когда поэзия пуста.

Возвращаясь к верлибру, стоит заметить, что на Западе он уже давно стал, а на Дальнем Востоке, наоборот, всегда был основной формой поэтической речи. Только непосвященным кажется, что свободный стих облегчает творчество. Такая точка зрения встречается даже у достаточно крупных поэтов «классического» направления:

К.М.Симонов 1976 (1915–1979)

То ли дело верлибр
С его изумительными принципами:
«В огороде бузина,
А в Киеве дядька»,
Который теперь называется
«Потоком сознания!»

Взяв его за основу,
Остается только разбить
Все, что придет в голову,
На строчки разной длины.
Вот вам и верлибр!

В действительности рифма и размер обычно помогают поэту. Это подпорки для его сооружений. Верлибр – это поэзия в чистом виде, собственно поэзия. Следовательно, это самый трудный способ творчества. Вернее, он должен таким быть.

Должен, но не есть! Бездари и болтуны как будто только и ждали, когда он войдет в моду, чтобы объявить себя поэтами и нести околесицу:

З.Н.Гиппиус 1915 (1869–1945)

Приманной легкостью играя,
Зовет, влечет свободный стих.
И соблазнил он, соблазняя,
Ленивых, малых и простых.

Сулит он быстрые ответы
И достиженья без борьбы.
За мной! За мной! И вот поэты —
Стиха свободного рабы.

Они следят его извивы,
Сухую ломкость, скрип углов,
Узор пятнисто-похотливый
Икающих и пьяных слов...

Немало слов с подолом грязным
Войти боялись... А теперь
Каким ручьем однообразным
Втекают в сломанную дверь!

Втекли, вшумели и выпылились...
Гогочет уличная рать.
Что ж! Вы недаром покорились:
Рабы не смеют выбирать.

Без утра пробил час вечерний,
И гаснет серая заря...
Вы отданы на посмех черни
Коварной волею царя!

Основная масса верлибров – это, увы, графомания в чистом виде. Чтобы найти жемчужины в навозной куче, нужно иметь хороший вкус и (или) специальную подготовку, которых я, увы, лишен, как, впрочем, и большинство читателей. К тому же свободный стих дает возможность поэту непосредственно выражать свои чувства, что является скорее его недостатком, чем достоинством. Ведь не зря слова «искусство» «искусственный» близкородственны. Искусство тем значительней, чем более искусной обработке подвергается собственно чувственный материал. Конечно, есть и другая точка зрения:

Н.В.Крандиевская (1888–1963)

Хамелеоны пестрых слов,
Коварство их и многоличье...
Спасай меня, косноязычье!
Дай рык звериный, горло птичье,
Заблудшего оленя рев!

Они правдивей во сто крат
И во сто крат красноречивей,
Когда поют с природой в лад,

Когда в бесхитростном порыве
О бытии своем вопят.

Будь как они! Завидуй им,
Они одни чисты, как пламя,
О чем не ведают и сами,
А мы лукавим и мудрим,
И между слов змеей скользим,
И ускользаем за словами.

Г.В.Иванов (1894–1958) Поэзия эмиграции

Художников развязная мазня,
Поэтов выпрeнная болтовня.

Гляжу на это рабское старанье,
Испытывая жалость и тоску:

Насколько лучше – бляенье баранье,
Мычанье, кваканье, кукареку.

Согласен, у безыскусного – своя прелесть. Однако это уже для эстетов и за пределами нашей темы. Так ограничимся же классическим стихом со всеми его атрибутами:

Н.А.Заболоцкий 1948 (1903–1958)

И в бессмыслице скомканной речи
Изошренность известная есть.

Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести? /.../

Тот, кто жизнью живет настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.

А.Т.Твардовский 1941–1945 (1910–1971)

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
– Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Г.Я.Горбовский (р. 1931)

Мои рифмы – обычные,
как на грузчике ноша.
Мои ритмы – типичны,
потому что похожи
на дыхание моря,
где лежат пароходы,
на прикрасы и горе,
на леса и народы.
Мои строки поточны,
мои буквы буквальны;
песни, —
как бы нарочно,

нарочито нормальны.
Потому что стихия —
та же песня простая.
Потому что стихи я
не пишу, а рождаю.

Тут следует сказать, что даже «понятные» стихи непонятны многим людям в том смысле, что для них непостижим вообще смысл и назначение самой стихотворной речи. «Зачем же излагать мысль столь вычурным и противоестественным способом, ведь она от этого только портится и искажается?» – удивляются они. Что уж говорить про читателей, если это раздражает даже некоторых поэтов:

Самюэл Батлер (1612–1680) Англия (пер. Г.М.Кружкова)

Кто только муку изобрел такую —
Упрятать мысль в темницу стиховую!
Забить в колодки разум, чтобы он
Был произволу рифмы подчинен.

П.А.Вяземский 1819 (1792–1878)

Не столько труд тяжел в Нерчинске рудокопу,
Как мне, поймавши мысль, подвесьте ее под стопу
И рифму залучить к перу на острие.
Ум говорит одно, а вздорщица свое. /.../
С досады, наконец, и выбившись из сил,

Даю зарок не знать ни перьев, ни чернил,
Но только кровь во мне, спокоившись, остынет
И неуспешный лов за рифмой ум покинет,
Нежданная, ко мне является она,
И мной владеет вновь парнасский сатана. /.../
Проклятью предаю я, наравне с убийцей,
Того, кто первый стих дерзнул стеснить границей
И вздумал рифмы цепь на разум наложить.
Не будь он – мог бы я спокойно век дожить.

Стеван Раичкович (1928–2007) Сербия (пер. А.С.Куш-
нера)

Может быть, борьба за рифму нас подводит
Ближе к дыму, чем к огню, а жизнь проходит?

Тем хуже для таких поэтов, ибо всем известно, что обычно мешает плохому танцору. Для настоящего профессионала, мастера своего дела, гармонизация формы и содержания – не проблема, а предмет творчества и повод для законной гордости:

А.С.Пушкин 1925 (1799–1837)

О чем, прозаик, ты хлопчешь?
Давай мне мысль какую хочешь:
Ее с конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Взложу на тетиву тугую,

Послушный лук согну в дугу.
А там пошлю наудалую,
И горе нашему врагу!

А.С.Пушкин (1799–1837)

Как весело стихи свои вести
Под цифрами, в порядке, строй за строем,
Не позволять им в сторону брести,
Как войску, в пух рассыпанному боем!
Тут каждый слог замечен и в чести,
Тут каждый стих глядит себе героем.
А стихотворец... с кем же равен он?
Он Тамерлан иль сам Наполеон.

Важнейший из атрибутов стиха – ритм. Есть оригинальная и не лишенная оснований точка зрения, согласно которой он берет начало из ритмичности природных явлений, именно этим и привлекая человека:

В.Т.Шаламов 1962 (1907–1982)

В годовом круговращенье,
В возвращенье зим и лет,
Скрыт секрет стихосложенья —
Поэтический секрет.

Музыкален, как баллада,
Как чередованье строк,

Срок цветенья, листопада,
Перелетов птичьих срок.

В смене грома и затишья,
В смене света и теней
Колесо четверостишья,
Оборот ночей и дней.

Именно ритм сближает поэзию с музыкой. Музыкальная
безупречность стихотворения – идеал, к которому стремится
классическая по форме поэзия:

С.Я.Маршак 1941–1964 (1887–1964)

Дыхание свободно в каждой гласной,
В согласных – прерывается на миг.
И только тот гармонии достиг,
Кому чередованье их подвластно.

Звучат в согласных серебро и медь.
А гласные даны тебе для пенья.
И счастлив будь, коль можешь ты пропеть
Иль даже продышать стихотворенье.

Любители стихов отличаются от других любителей литературы обостренным восприятием ритма. И.В.Гете в конце жизни сказал: «В ритме есть что-то колдовское; он даже вселяет в нас веру, что возвышенное принадлежит нам». Основные стихотворные размеры сложились очень давно. Они ве-

рой и правдой служат поэзии:

Игорь Северянин 1921(1887–1941)

О вы, размеры старые,
Захватанные многими,
Банальные, дешевые,
Готовые клише!
Звучащие гитарою,
И с рифмами убогими —
Прекраснее, чем новые,
Простой моей душе.
Приветствую вас, верные,
Испытанно-надежные,
Округло-музыкальные,
Любимые мои!
О вы – друзья примерные,
Вы милые, вы нежные,
Веселые, печальные,
Размеры-соловьи.

Второй важнейший атрибут большинства стихов – рифма. Практически все поэты классической ориентации относятся к рифме сугубо положительно:

Шарль Сент-Бев (1804–1869) Франция (пер. И.Я.Шарфенко)

Рифма, в твой хрустальный звон
Я влюблен,

Ты – стихов очарованье.
Без твоих колоколов
    В мире слов
Бедно их существованье. /.../

Рифма – крепкое весло,
    Чтоб несло
Легкий челн в волнах кипучих;
Пара шпор для скакуна,
    Стремена
И узда – на горных кручах; /.../

Чтобы стих мой звонко пел,
    Не хрипел,
Как в петле, от правил скучных,
Ты открой ему простор —
    Весь набор
Окончаний полнозвучных.

Федор Сологуб 1879–1907 (1863–1927)

Сравненье смелое, а все-таки я прав:
Стих с рифмами звучит, блестит, благоухает
И пышной розою, и скромной влагой трав,
Но темен стих без рифм и скуку навевает.

Найти новую, свежую рифму – большая удача для поэта.
Обычно приходится пользоваться уже известными:

И.М.Губерман (р. 1936)

Игра словами в рифму – эстафета,
где чувствуешь партнера по руке:
то ласточка вдруг выпорхнет от Фета,
то Блок завьется снегом по строке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.